

рассказни одной полупомешанной на мистицизме старухи, Катерины Тео, которую ее почитатели называли «матерью господ».

Но не личная вражда была, конечно, причиной гибели Робеспьера. Его падение потому было неизбежно, что он представлял собой правительственную систему, которая уже шла к роковой гибели. Пройдя через свое восходящее время, продолжавшееся вплоть до августа или сентября 1793 г., революция вступила с тех пор в свой нисходящий фазис. Теперь она переживала фазис якобинского строя власти, лучшим выразителем которого был Робеспьер. Но этот строй, не имея перед собой будущего, не мог удержаться. Власть неизбежно должна была перейти к «людям порядка и сильной власти», которые только и ждали случая покончить с революционным «беспорядком»; они выжидали минуту, когда им можно будет свергнуть террористов-монтаньяров, не вызывая восстания в Париже.

Тогда с полной ясностью обозначилось все зло, происшедшее из того, что революция в своей экономике основалась на *обогащении отдельных личностей*. Революция должна стремиться к *благу всех*, иначе она неизбежно будет задавлена теми самими, кого она обогатит на счет всего народа. Всякий раз, когда революция совершает переход состояний из рук в руки, она должна была бы это делать не *а пользу отдельных личностей, а в пользу групп, сообществ, обнимающих весь народ*. Между тем Французская революция поступила как раз наоборот. Земли, которые она конфисковала у духовенства и дворянства, она отдала частным людям, тогда как они должны были перейти сельским и городским обществам, потому что в былые времена эти земли принадлежали народу и только в силу исторического насилия стали частной собственностью. Раз они выходили из частного владения, их следовало вернуть народу.

Но, руководясь государственными и буржуазными целями, Учредительное и Законодательное собрания, а за ними и Конвент, отняв земли помещиков, монастырей и церкви и обратив их в государственную казну, решили продавать их отчасти отдельным крестьянам, но больше всего отдельным людям из среднего сословия.

Легко вообразить себе, какой грабеж начался, когда эти земли, представлявшие собой ценность от 10 до 15 млрд. франков, были пущены в продажу в несколько лет на условиях, особенно выгодных для покупателей; причем покупателям стоило только снискать милость новых местных властей, чтобы всячески еще улучшить эти условия. Так создались на местах «черные банды» скупщиков и спекуляторов, о которые разбивалась вся энергия комиссаров Конвента.

И тогда понемногу зловредное влияние этих скупщиков, поддерживаемых всеми спекуляторами в Париже, интендантами армии и местными грабителями, стало подниматься вверх, до Конвента, где честных монтаньяров одолевали ловкие дельцы - *les profiteurs*, как их тогда называли. В самом деле, что могли честные люди противопоставить этим ордам грабителей. Раз секции Парижа были парализованы и «бешеные» были уничтожены, на кого могли опереться честные люди из «горцев»? Правые были, конечно, против них, а центр Конвента уже тогда получил характерное прозвище «болота», или «брюха»! Тут-то и заседали чайавшие «порядка» ловкие дельцы.

Победа, одержанная войсками республики 8 мессидора (26 июня) при Флерюсе над соединенными силами австрийцев и англичан и закончившая на этот год кампанию в северной Франции, а также успехи, одержанные республикой в Пиренеях со стороны Альп и на Рейне, и, наконец, прибытие во Францию транспорта с хлебом из Америки (причем пришлось пожертвовать главными военными кораблями) - самые эти успехи становились доводами в устах «умеренных» против революции. «К чему теперь революционное правительство, - говорили они, - раз война заканчивается? Пора положить конец правлению революционных комитетов и патриотических обществ. Пора закончить революцию и вернуться к законному порядку!»

Но террор, который все приписывали Робеспьеру, отнюдь не утихал, а скорее еще усиливался. 3 мессидора (21 июня) Герман, «комиссар при гражданских администрациях, полиции и судах», внес в Комитет общественного спасения доклад, испрашивая разрешение произвести следствие о заговорах внутри тюрем, и в этом докладе он грозил всеобщим избиением заключенных, говоря, что «потребуется, может быть, внезапно очистить тюрьмы». Комитет общественного спасения разрешил ему произвести такое следствие, и тогда начались ужасные бойни: ряды повозок каждое утро везли под гильотину десятки мужчин, женщин и подростков, и жителям Парижа эти бойни скоро стали противнее сентябрьских убийств. Им не видно было конца, и происходили они посреди балов, концертов и увеселений всякого рода разбогатевшей буржуазии. Мало того, казни сопровождались всевозможными безобразиями и кутежами роялистской молодежи, которая с каждым днем все смелее овладевала улицей.